

УДК 1/14

В.И. Казакова

МАРГИНАЛЬНОСТЬ: ОПЫТ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева

Темой настоящей статьи является феномен маргинальности, находящийся в настоящее время в центре рассмотрения многих философских и социологических дискурсов. В обществе знания, в пересечении трансгрессии и нормы маргинальное становится повседневным, подчас утрачивая свой первоначальный смысл. В наши дни оно может рассматриваться как экзистенциальное воплощение свободы в социальном пространстве, утратившем центр, принципиально важным здесь становится не столько собственно социальный, сколько экзистенциально-онтологический и гносеологический контексты. Уточняется понятие маргинальности в его соотношении с девиацией и аномией, анализируются её различные формы и основные моменты эволюции в рамках цивилизационного развития. Впервые феномен маргинального соотносён с процессами десакрализации пространства и времени; он рассматривается как топологическая характеристика социальной реальности, дающая ключ к раскрытию современного многообразия её смыслов.

Ключевые слова: маргинальность, эксклюзия, стратификация, социальный портрет, элита, интеллеktуал, феноменология, системный подход, граница.

Когда мы исключаем из общества людей в качестве живых и сознательных систем, они не утрачиваются для теории. Они лишь оказываются там, где их предполагали с фатальными следствиями для теории. Они находятся не в обществе, а в его окружающей среде.

Н. Луман

На «край бытия» в наши дни уже не смотрят украдкой. Сегодняшний мир проникнут ощущением, переживанием *границы*, становящейся более значимой, нежели само разграничиваемое. Наши пределы, каноны, рубежи выступают подчас единственными маркерами идентичности на фоне напрогноченной К. Марксом бесклассовости. Общество стремительно и непоправимо упрощается, при этом удивительным является то, что при этом оно отнюдь не утрачивает своей поляризованности и антагонизма. Непостижимым образом мы ещё способны чему-то противостоять, остатки прежней мегалотимии становятся подчас предметом культа. В некотором отношении вся современная социальная рефлексия подчинена логике поиска фундаментальной бинарной оппозиции общества, которую либерально ориентированное мышление по инерции пытается расположить в горизонтальном измерении. Человек, сам по себе становясь всё более искусственным, утрачивает подлинно самобытные черты; личность стремится отгородиться от общества непреодолимой дистанцией, воспринимаемой как защитный барьер: «как только мы добираемся до истинного, ...начинает казаться, что, скорее, каждый из нас живёт на своём собственном островке и нет никакого перехода от одного островка к другому» [1, с. 24]. Склонность к социальной эксклюзии растёт, «разделительные линии неравенства» становятся всё более причудливыми и многообразными [2]. В обществе невероятных коммуникаций люди чувствуют себя «пойманными» социальной и речевой деятельностью в глубине своих укрытий [1, 3]. И это сегментированное общество, тем не менее, по-прежнему наделено способностью к маргинализации – не менее сильной, чем в архаичные времена.

Маргинальность и на феноменальном, и на ноуменальном уровнях переживает сейчас радикальную трансформацию, являющуюся одним из наиболее показательных симптомов современного кризиса. Тысячелетиями человеческой истории маргинализация как процесс

могла иметь простейшую количественную интерпретацию, будучи действием большинства по отношению к меньшинству, в настоящее же время социальная «обочина» всё чаще становится уделом преобладающей части населения.

Таким образом, сам механизм эксклюзии становится принципиально иным, он в полной мере отражает современную *борьбу за выживание*, интенсивность которой всё возрастает на любых жизненных уровнях. Природа социального неравенства в этих условиях радикально преобразуется: мир предстаёт как всё более стеснённый и всё менее единый, образ «лоскутного одеяла» становится единственной адекватной моделью его описания. Маргинальность в многоуровневом социальном пространстве раскрывает многообразные смыслы, мигрирующие от «между» к «вне» и «по ту сторону». Само большинство и меньшинство становятся иными, соотносясь не с представлением о норме, а с моделью. Быть маргиналом становится всё легче – и в плане перехода определённой социокультурной дистанции, и с точки зрения так называемого «социального самочувствия». Можно сказать, что в настоящее время происходит чрезвычайно интересный процесс «депроблематизации» маргинальности: в условиях «пересечения трансгрессии и нормы» исключённое становится повседневным [4]. Этой «депроблематизации» в социально-практическом аспекте закономерно сопутствует рост интереса к маргинальности как объекту исследования [5-13]. Как и почему проходит сейчас процесс «исключения», что значит быть «вне» общества и «над» социальной реальностью – один из наиболее актуальных вопросов современного человеческого бытия-в-обществе. Рубеж, переход которого для личности означает утрату социального статуса, становится точкой отсчёта в дискурсе «пограничья». Последнее может раскрываться как тип и способ организации единства, как место и его отсутствие, как механизм смыслопорождения и пустота неопределённости [14-17]. Стремление избежать последнего – один из главных ценностных ориентиров дискурса маргинальности, где предметом осмысления становится то, что в силу определённых причин остаётся «по ту сторону» значимого.

В современных философских и социологических исследованиях не выработано единого мнения относительно определения маргинальности. Апеллируя к этимологии понятия, под ним понимают довольно широкий спектр состояний социального «пограничья», включая аномию, девиацию – всё то, что не согласуется с нормой. Подобное положение дел вполне объяснимо для отечественных исследований, где мысль всё ещё не может свыкнуться с тем, что «мы не знаем общества, в котором живём» [18]. Прояснение сути маргинальности представляется довольно привлекательным путешествием по лабиринту бесконечных имен «инакового». Мы говорим о «люмпенизации», «дискриминации», «девиантности», «аномии», «отлучении от сети». Нестройность подобных рассуждений связана не только с отсутствием адекватной модели социального пространства, она свидетельствует о глубоко укоренённой «нежеланности для мысли» иного, несмотря на множество разговоров о нём. Этот диссонанс, для России отягчённый опытом тоталитарных идеологических запретов, инициирует феноменологическое «перемещение взора» [19]. Данный подход представляется актуальным в силу многих причин.

Прежде всего анализ феномена маргинальности в любой перспективе имеет точкой отсчёта картезианские размышления, поскольку механизм эксклюзии на каждом из онтологических уровней исходит в своём последнем основании из разграничения *cogito ergo sum*. Сознание, разделённое между восприятием и реакцией на восприятие, включает в себе предпосылку обезличения воспринимающего, которая делает возможной маргинализацию как процесс. Переход от очевидности мышления к метафизическому субъекту, от высшего принципа сознания к «Я» как основе переживания формирует тот механизм мышления как бесцветного потока психического бытия, в рамках которого осуществляется эксклюзия. *Cogito* делает шаг назад, забывая, что каждый из нас в непосредственности жизни никак не одинок в этом мире, тем самым допускается, что любой из нас в определённых условиях может предстать как вещь, безуспешно пытающаяся втиснуться в чужеродное сознание. Открытие иного как чисто экзистенциальное переживание задаёт здесь тот изначально негативный

смысл, который порождает социальную потребность дистанцирования, вырождающуюся затем в механизм подавления. Становление «общества знания» предельно обострило этот диссонанс, возможно, доведя его до абсолютизированной формы, когда маргинальность становится повсеместной. В то самое время, когда информация становится новой стихией, подлежащей преодолению, человек в социальном измерении своего бытия-в-мире замыкается в выборе между маргинальным – отвергаемым и усреднённым – обезличенным. Это совпадение не может быть случайным, поскольку маргинализация как процесс изначально происходит в пространстве мысли. Cogito – самая действенная эксклюзивная практика, разум – наиболее мощный исключаящий механизм. Он проявляет себя идентичным образом и в аристотелевской практике ниспровержения софистики, и в репрессивном опыте тоталитаризма прошлого столетия. Переход от механизма исключения, осуществляемого в сфере мысли, к реальной социальной эксклюзии, на наш взгляд, наиболее соответствует рассмотрению в рамках феноменологического анализа, отправным пунктом которого являются конкретные переживания человека в его жизненном мире. Акцент на допредикативный опыт повседневной жизни чрезвычайно важен, поскольку феномен маргинальности имеет непосредственное отношение к разрушению естественной установки, когда мир переживается как общий для себя и для других. Помимо прочего, феноменологический взгляд дарит ту открытость по отношению к явлениям самим по себе, в которой сейчас так нуждается мысль, совсем недавно освободившаяся от догматических иллюзий и несвобод.

Постановка в центр рассмотрения маргинальности открывает новые возможности применения методов социальной феноменологии. В анализе социальной эксклюзии важна, на наш взгляд, феноменологическая установка скорее видеть, чем предполагать, поскольку сама проблематизация социальной реальности, делающая возможной маргинализацию субъекта, укоренена в наличии априорных предпосылок, отягчающих путь к смыслу. Момент возникновения негативного alter ego, ставящего под сомнение основания системы, путь от артефакта к продуктивной силе и обратно, замыкается на тот процесс демаркации подлинного и неподлинного, потребность в котором инициировала возникновение самой феноменологии [20, 21]. С другой стороны, в отношении маргинальности мы наблюдаем как раз тот случай практической проблемы, когда она не может быть осознана через отнесение к уже зарекомендовавшим себя схемам опыта. Мысль о маргинальном, или нежелание прояснить эту мысль, способно в постиндустриальную эпоху более сказать об обществе и более приблизить нас к решению социальных проблем, нежели эмпирическое исследование в его строгом классическом понимании.

Маргинализация на любом её уровне может вообще быть рассмотрена через состояние «выпадения» из времени, которое в феноменологии определяется как горизонт, исходя из которого становится понятной сущность бытия. В наши дни, когда ход времени от прошлого к настоящему перестаёт быть естественным и однонаправленным, унылый образ «социальной обочины» становится уделом слишком многих. В пространственной терминологии можно говорить об определённом нарушении меры удалённости от центра, приводящем в действие механизм социальной эксклюзии. Данный процесс в подавляющем большинстве своих аспектов *необратим*, именно это, на наш взгляд, характеризует маргинальность как специфический феномен в отличие от широкого диапазона различных отклонений от нормы. Механизм эксклюзии не является чем-то постоянным, он есть топологическая функция социального пространства, в различное время по ту сторону черты оказывались прокажённые, умалишённые, нищие, полукровки. При определённых условиях любой социологический образ, любая страта или социальная группа могут быть соотносены с маргинальным статусом, в информационном обществе к нему особенно чувствительны интеллектуалы, «свободное парение» которых в социальном пространстве является одной из возможных форм «удалённости» от центра. Маргиналом можно назвать того, чьё «наличное бытие» ставит под вопрос «наличное бытие» самого общества в целом, делая своё присутствие нестерпимым, поскольку затрагивает проблему *смысла*. Ни аномия, ни девиация не сопряжены с подобными

характеристиками, в их случае речь идёт о простой преграде, враждебности вещей, в то время как маргинальность – некое подобие «расселины в непрерывной ткани актов мышления, которая необъяснима, но о которой и нечего сказать потому, что она буквально является ничем» [1, с. 68].

Эта «расселина», строго говоря, возможна только для стратифицированного общества, и в этом плане маргинализация может быть рассмотрена как закономерное следствие расставания с «естественной установкой», в рамках которой интерес к самому себе не может быть культивирован и возведён до уровня самосознания. Способность жить в атмосфере веры, не ощущая потребности присмотреться к самому себе, не испытывая желания узнать, каковы условия и цели его жизни, исключает постановку вопроса об эксклюзии. Отречение от этой веры связано с обращением к разуму как её антиподу, что ведёт к многократной детерминации духовных горизонтов в социальном пространстве. Античная софистика классического периода была, на наш взгляд, первым социальным опытом подобного рода, обозначившим различные пути позиционирования носителей интеллекта в рамках общества. Софисты первыми позволили себе «свободное парение» в социальном пространстве Афин – и первыми же пережили опыт социальной эксклюзии, проект которой, разработанный Аристотелем, может быть сочтён одним из наиболее удачных. Силой его авторитета само понятие софистики до сих пор ассоциируется с демагогией, прагматическим примитивизмом, неоправданным усложнением когнитивных практик. Любое исследование данного феномена имеет исходной точкой отсчёта оправдание, поскольку само явление изначально рассматривается как «иное», чуждое норме.

Рассматриваемая как «эффект структуры» маргинальность сопряжена с обозначением иного, дерзающего на несерьёзность по отношению к некоему «нормативному кодексу», правилам поведения [21]. Понятия «соблазнение», «смущение» оказываются наиболее уместными для описания подобной ситуации; так, например, артефакт софистики в системе античного мышления ставил вопрос коренной переоценки представлений о социальной судьбе знания. Избрание «удела профессиональных воспитателей, странствующих чужаков, торгующих своей мудростью, культурой, умениями, как гетеры торгуют своими чарами», есть практика «иного», показывающего ограниченность возможностей системы и ставящего вопрос о реальности и фикции. Их антитеза в конечном счёте и определяет ход их дальнейшего взаимодействия. В данных условиях возвыситься до самоиронии – путь, доступный немногим, именно он был избран Сократом, игравшим двусмысленностями и противоречиями, прежде чем прийти к окончательным решениям. Будучи изначально софистом, античный мудрец предпочёл исключение из сферы социального исключению из сферы мысли; таким образом, он оказался вне аристотелевской критики. Функция «оператора границ» взаимобратима, маргинализировать – очертить пределы возможностей и, вместе с тем, вывести их за рамки смысла. Последнее возможно путём апелляции к онтологическому уровню более высокого порядка, что и было предпринято Сократом, очертившим контуры возможностей судебной системы более удачно, не предоставив аналогичной возможности в отношении себя самого. Это может служить, возможно, единственным в истории примером маргинализации общества личностью, экзистенциальное возобладало здесь над социальным, выявив его незначительность и ограниченность.

В рамках традиционного общества маргинализация вообще может быть представлена как оппозиция этического и эстетического, что и проявляется наглядно в аристотелевской критике софистов. Эксклюзия, первоначально осуществляемая в сфере мысли, в доиндустриальном обществе этой же сферой, в сущности, и ограничивается. Интеллектуал – единственный, кто был неспособен однозначно идентифицировать себя с какой-либо общественной системой. Знание (образование) было первым, что перешагнуло через сословные барьеры и поставило под сомнение социальность как таковую. Античный софист, средневековый схоласт, советский интеллигент существуют в «невозможной позиции, смещённой по отношению ко всякой общинной идентичности..., в расщелинах между сообществами, в

хрупком пространстве обмена, обращения между ними» [22]. Не обладая в каждом конкретном случае прочной связью с какой-либо социальной общностью или классом, интеллигент есть нечто вне-, над-, а иногда и антиобщественное; чрезмерное число степеней свободы, получаемых благодаря образованию, имеет следствием многократную детерминацию духовного горизонта [23]. Это, в свою очередь, порождает широкий спектр противоречий, показательных с точки зрения анализа социальных структур той или иной исторической эпохи. Интеллектуальный образ знаменитого Бенедикта Спинозы даёт пример «субъективной позиции двойного изгоя (отлучённого от главного сообщества изгоев западной цивилизации)» [22] и в этом плане представляет собой, возможно, образец наиболее радикального варианта противостояния обществу. Здесь можно говорить в первую очередь о случае, когда те же выдающиеся интеллектуальные способности, которые делают невозможной фиксацию в социальном пространстве, одновременно делают индивида более соответствующим этому месту, нежели те, которые его занимают. Отречение от места есть отречение от привилегий, которое запечатлевается в душе современников как нечто прекрасное – произведение искусства, которое, тем не менее, имеет мало отношения к социальной жизни. Ответная реакция общества сводится к тому, чтобы, несмотря ни на что, даже на уровне симулякра, отвести интеллигенту определённую позицию в социальном пространстве, преодолев его «бездомность», это принимает порой характер своеобразной игры. Интеллектуальная деятельность принадлежит не только общественной жизни, но и миру духовному, не детерминированному социальной средой, что заставляет умников всех времён как-то преодолевать разрыв между темпоральностью общества и темпоральностью знания; именно им определяется конечный счет в данной игре и подведение итогов: «мир ловил меня, но не поймал» [24].

Противопоставлению интеллектуализма обществу способствовала идея человека-микрокосма, который есть сам по себе природа, способен постичь её разумом и преобразовать своей деятельностью. Интеллектуализм в этом отношении предполагает относительную независимость от мировоззренческого влияния общественной среды, он есть перманентно возникающая оппозиция между социальностью и разумностью. Выбор в пользу последней открывает бесчисленные возможности в сфере духовных исканий, между тем механистическая зримость всего трёх пространственных измерений не выдерживает конкуренции с социальной многомерностью. Неизбежная редукция ведёт к оттеснению интеллектуалов на «обочину» общества, маргинальному сужению горизонтов. Отвергая поддержку общности, интеллигент не получает взамен подлинной свободы, он лишён «укоренённости в бытии». Исходу Средневековья свойственна социальная и экономическая эволюция интеллектуализма, ведущая к его псевдоаристократизации. Отказ от контактов с народной массой, разрыв связей между наукой и образованием есть следствие социальной «бездомности» адептов умственной деятельности. Итогом является волна антиинтеллектуализма, противопоставление патриота и гуманиста безродному космополиту.

В традиционном обществе, в противовес техногенному, оператор границ самой своей маргинальностью способствует этическому становлению нормативного [21]. Индустриальный переворот радикальным образом меняет топологию смысла, порождая новые формы экспатриации и экстерриториальности. В предложенной Б. Кассен терминологии можно говорить о присущем аграрному укладу образе маргинальности как денотата без значения. В современном информационном обществе предметом эксклюзии становится значение без денотата, «местом ссылки становится безграничность, абсолютное извне, знаменующее на сей раз невозможную позицию» [21, с. 139]. Это связано с инициированными социально-техническими процессами десакрализациями пространства и времени, происходящими неравномерно [25]. «По ту сторону» обретает демаркацию на вне- и между-, обладающую целым рядом диаметрально противоположных ценностно-смысловых наполнений. Специфика стратифицированного общества такова, что любая из страт в какой-то мере отождествляет себя с обществом в целом – и противопоставляет себя ему. В наши дни мы все страдаем «непричастностью»: ощущением того, что нечто главное проходит мимо; «конец истории» со-

пряжён со «смертью человека» – не физической и даже не духовной, напротив, именно в сфере духа наблюдается даже некоторое перепроизводство идей. В то же время проблема маргинала может быть рассмотрена как своего рода абсолютизация толерантности – современного стремления заставить себя слышать иное. В наши дни никто не может позволить себе находиться на одном-единственном уровне реальности, жить в мире, где каждая вещь имеет только одно значение. В известной степени и сидеть на обочине жизни также становится непозволительной роскошью. Маргинальное состояние становится в настоящее время временным и обратимым, оно всё менее склонно рассматриваться как аномальное, следовательно, возможен поиск как деструктивных, так и конструктивных моментов данного явления. Само по себе отсутствие места – всегда есть большая свобода, подвижность и пластичность, столь востребованная в информационном обществе. С другой стороны, в обыденном сознании маргинал продолжает ассоциироваться с отверженным, поэтому представляется перспективным его сопоставительный анализ с нигитологическими тенденциями современности. В определённой мере весь современный мир переживает состояние «ухода из центра». Хайдеггеровский «закат» – утрата прежней исключительности, потеря определяющего статуса становится сейчас повсеместным явлением. Маргинальность – удел не только и не столько личности, сколько этноса, народа, цивилизации.

Осмысленный социальный мир всегда включает в себе рефлексию «инакового»; «анонимный или персонифицированный другой всегда «имеется в виду», присутствует в горизонте сознания даже в случае беспросветного одиночества или затерянности в толпе» [20].

Таким образом, само раскрытие феномена маргинальности возможно только в опыте «поверх» субъекта и объекта, поскольку оператор определения границ не может быть адекватным образом раскрыт в одностороннем порядке. Это является, на наш взгляд, самым важным акцентом в контексте современной социальной жизни, где маргинальность становится повсеместной. Граница стала для нас более реальной и зримой, чем само разграничиваемое, и неисключено, что предоставляемая феноменологией свобода мысли – единственная возможность обрести обратный путь к смыслу.

Библиографический список

1. Мерло-Понти, М. Видимое и невидимое / М. Мерло-Понти. – Минск: Логвинов, 2006. – 400 с.
2. Анурин, В.Ф. От Москвы до самых до окраин (социальное неравенство: региональный разрез) // Социология. 2005. № 3-4. С. 232-252.
3. Луман, Н. Невероятность коммуникации [Электронный ресурс] // Режим доступа: www.soc.pu.ru/publications/pts/luman_c.html.
4. Жижек, С. Когда простота означает странность, а психоз становится нормой [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.lacan.com/repley.html>.
5. Аверина, М.В. Маргинальность в социокультурных исследованиях // Личность. Культура. Общество. 2008. Т. X. Вып. 2 (41). С. 389-396.
6. Галсанамжилова, О.Н. Структура маргинальности в российском обществе: социологический анализ / О.Н. Галсанамжилова. – дисс. ... канд.соц. наук. – СПб., 2007. – 148 с.
7. Гурин, С.П. Проблема маргинальности в антропологии / С.П. Гурин. – Саратов: СарГЭСУ, 2002. – 132 с.
8. Ефремова, Е.И. Маргинальность как фактор социокультурной динамики / Е.И. Ефремова – дисс. ... канд. филос. Наук. – Иркутск, 2006. – 141 с.
9. Иванова, Н.В. Маргинальность в политическом пространстве / Н.В. Иванова – дисс. ... канд. полит. наук – Саратов, 2005. – 150 с.
10. Кирилюк, С.С. Феномен маргинальности: проблема устойчивости бытия личности / С.С. Кирилюк – дисс. ... канд. филос. наук. – Челябинск, 2006. – 162 с.
11. Маргинальность в современной России / Е.С. Балабанова [и др.]. – М.: МОНФ, 2000. – 208 с.
12. Мельникова, Н.Е. Феномен маргинальности в системе культуры: социально-философский анализ / Н.Е. Мельникова – дисс. ... канд. филос. наук. – М., 2007. – 213 с.

13. **Разинский, Г.В.** Маргинальные процессы как атрибут социальной мобильности // Социология. 2007. №1. С. 145-158.
14. **Бахтызин, А.М.** Граница: бытие, сущность, рефлексия / А.М. Бахтызин. – Дисс. ... канд. филос. наук. – Омск, 2004. – 177 с.
15. Граница как механизм смыслопорождения / под ред. Н.Т. Рымаря. – Самара: Сам. гум. акад., 2004. – 196 с.
16. **Ионов, И.Н.** Образы пространства и времени в имперском, колониальном и постколониальном дискурсах // Диалоги со временем. Память о прошлом в контексте истории. – М.: Кругъ, 2008. С. 337-370.
17. Кануны и рубежи. Типы пограничных эпох – типы пограничного сознания: материалы российской-французской конференции: в 2 ч. / М.: ИМЛИРАН, 2002. Ч. 1. – 304 с.
18. **Андропов, Ю.В.** Избранные речи и статьи / Ю.В. Андропов – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1983. – 320 с.
19. **Гуссерль, Э.** Основные проблемы феноменологии. Материалы лекционного курса / Э. Гуссерль, Д.Н. Разеев. – СПб.: изд-во СПбГУ, 2004. С. 222-364.
20. **Смирнова, Н.М.** От социальной метафизики к феноменологии естественной установки (феноменологические мотивы в современном социальном познании) / Н.М. Смирнова. – М.: ИФ РАН, 1997. – 120 с.
21. **Кассен, Б.** Эффект софистики / Б. Кассен. – М.-СПб.: Московский философский фонд, Университетская книга, Культурная инициатива, 2000. – 240 с.
22. **Жижек, С.** Устройство разрыва: параллаксное видение / С. Жижек. – М.: Европа, 2008. – 516 с.
23. **Манхейм К.** Проблема интеллигенции. Исследование её роли в прошлом и настоящем [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Socio-log/manh_prob1/01.php.
24. **Сковорода, Г.** Повне зібрання творів / Г. Сковорода. – Киев, 1973.
25. **Фуко, М.** Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью / М. Фуко. – М.: Праксис, 2002. – 384 с.

*Дата поступления
в редакцию 07.06.2010*

V.I. Kazakova

MARGINALITY: PHENOMENOLOGICAL ANALYSIS ATTEMPT

The article is devoted to marginality phenomenological analysis. Marginality is one the most important elements of modern philosophical and sociological discourses. Knowledge society mixed transgression and norm, so marginal phenomena are losing origin sense. It can be described now as existential realization of centre-less social space freedom. Not social but existential-ontological and epistemological context are of great importance. The marginality determination is clarified. It's compared with anomy and deviation. Various forms of marginality are analyzed. Marginality phenomenon is described from the point of space and time de-consecration for the first time. Marginality is social reality topological characteristic, that's why we have the opportunity of contemporary sense variety research.

Key-words: marginality, exclusion, stratification, social portrait, elite, intellectual, phenomenology, system approach, boundary.